

Как Советский Союз победил в войне — часть I

События 1941–1945-го не всегда поддаются логическому объяснению

Марк Солонин

Изначально рабочее название этой статьи начиналось со слова «Почему». Но такая формулировка была бы сугубо неточной, формирующей ложное представление о том, что победа СССР в войне против гитлеровской Германии была чем-то закономерным, неизбежным, predetermined – как падение яблока с яблони.

Задача историка в такой системе отсчета сводится лишь к выявлению «объективных причин победы». Впрочем, чего искать-то, когда все они уже давно найдены: *«Прочность и великие преимущества социалистического общественного и государственного строя, дружба народов СССР, советский патриотизм и пролетарский интернационализм, безраздельное руководство Коммунистической партии»*. Конец цитаты.

Увы, реальность была сложнее. Да, война закончилась в Берлине, закончилась полной и безоговорочной капитуляцией Германии, и как верно заметил Виктор Суворов, «Сталин в мундире генералиссимуса выглядел гораздо лучше, нежели обгорелый труп Гитлера». Но к этому триумфу вела цепочка удивительных, не всегда поддающихся логическому объяснению событий, странных решений и действий политических лидеров, будущий победитель не раз оказывался в полушаге от гибели, а победа его противника порой казалась неизбежной.

Могла ли Германия победить?

Как и во многих иных случаях, правильный ответ начинается с четкой формулировки вопроса. Что такое победа Германии? Размещение немецкого гарнизона в каждом поселке от Бреста до Владивостока? Но столь абсурдная задача никогда и не ставилась.

Совершенно реальной представлялась возможность повторить опыт

1918 года, когда Германия, поддержав смену власти в России, заключила с

новым правительством сепаратный Брестский мир и обеспечила себе

свободу рук для наступления на Западном фронте

Реальные цели войны сформулированы в Директиве «фюрера и Верховного главнокомандующего» № 21 (план «Барбаросса»), в разработанных на ее основе планах стратегического развертывания вермахта, в выступлениях Гитлера перед высшим генералитетом, в его переписке с Муссолини. Все это рассекречено, доступно, давно и многократно опубликовано, поэтому, не утомляя читателя обильным цитированием, сразу перейдем к конечному выводу: перед германскими вооруженными силами была поставлена задача ослабить военно-экономический потенциал Советского Союза (посредством разгрома наличных сил Красной армии, посредством захвата важнейших промышленных центров, посредством перемещения границы на восток) до такой степени, которая сделает невозможным вмешательство СССР в европейские дела Гитлера. По меньшей мере на срок до завершения войны против Британской империи.

По поводу желаемого политического переустройства никаких ясных указаний в документах не обнаруживается. Однако в письме, которое Гитлер вечером 21 июня отправил в адрес Муссолини, есть и такие слова: *«Если бы я даже вынужден был к концу этого года оставить в России 60 или 70 дивизий, то все же это будет только часть тех сил, которые я должен сейчас постоянно держать на восточной границе»*. 60 или 70 дивизий против пустого места не оставляют. Можно предположить, что на тот момент Гитлер считал приемлемым такой финал военной кампании, при котором некая «урало-сибирская Россия» сохраняет свое полунезависимое существование.

Что же касается географии «восточного похода», то в Директиве № 21 она была сформулирована следующим образом: *«Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга – Архангельск»*. От Белостока и Львова до названной линии порядка 1,5 тысячи километров. Много, но не бесконечно много. Да и с указанием этой линии немцы изрядно «перестраховались» – так далеко можно было не ходить.

Коллаж Андрея Седых

Четыре пятых боевых самолетов в СССР выпускалось на четырех заводах: два в Москве, один в Горьком (Нижегород), один в Воронеже. Почти весь выпуск моторов для них обеспечивали четыре завода: в Москве, Рыбинске (270 км к северу от Москвы), Перми и Запорожье. Производство танков и танковых моторов накануне войны практически полностью сконцентрировано в Ленинграде и Харькове. Наиболее массовые артсистемы (полковые и дивизионные пушки калибра 76 мм, гаубицы калибра 122 мм и 152 мм) выпускались в Ленинграде, Горьком, Перми с окрестностями. Основные типы стрелкового оружия – в Подмоскovie (Подольск, Загорск, Тула, Ковров) и Ижевске.

Если на географической карте СССР провести две линии (по странной случайности они пересекаются почти под прямым углом) – Ленинград, Горький и Горький, Запорожье, то к западу от них окажутся почти все перечисленные выше города. На 600–800 километров восточнее этого треугольника остаются только Ижевск и Пермь, что, впрочем, в плане «Барбаросса» было учтено: *«В случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».*

Критически важным условием реализации плана «Барбаросса» был высокий темп наступления. 1000–1400 километров от западной границы СССР до линии Ленинград, Горький, Запорожье надо было пройти быстрее, нежели противник успеет организовать полноценную эвакуацию военных заводов, то есть за один-два месяца. Возможно ли это?

На подобный вопрос нет и не может быть однозначного ответа. Пространство не сопротивляется, сопротивляются люди (точнее говоря, вооруженные и организованные в армию люди). Летом 1918 года горсть плохо вооруженных людей (не более 25 тысяч, без артиллерии), называемых «чехословацкий корпус», свергла советскую власть на гигантском пространстве от Пензы до Томска. В ноябре 1942 года 35 тысяч хорошо вооруженных, оснащенных бронетехникой и автомобилями людей прошли в непрерывном наступлении 1800 километров от Сафи до Бизерты, причем идти им пришлось по безлюдной и безводной пустыне (операция «Торч», высадка американского десанта в Северной Африке). Так что помешать немцам

дойти от Бреста до Горького могло только сопротивление Красной армии, а не километры как таковые.

Самоликвидатор Гитлер

Через три недели после начала операции немецкие генералы могли констатировать, что первая задача, поставленная перед ними по плану «Барбаросса» (*«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвигания танковых клиньев»*), в основном уже выполнена.

Танковые гусеницы прогрохотали по мостам через Буг, Неман, Западную Двину, Березину, Горынь и Случь. 10 июля немцы заняли Псков, 16 июля – Смоленск. Две трети расстояния от западной границы до Ленинграда и Москвы были пройдены. Войска Прибалтийского и Западного военных округов (более 70 дивизий, 1 миллион человек) разгромлены, рассеяны по лесам или взяты в плен. Чуть позднее то же самое произошло с Юго-Западным и Южным фронтами. Особенно тяжелый урон понесли крупнейшие в мире советские танковые войска: к середине июля потеряно 12 тысяч танков, и остатки некогда могучих мехкорпусов начали официально расформировывать. Авиация западных округов потеряла не менее 80–85 процентов самолетов, впрочем, и оставшиеся в списках боевые машины в большинстве своем считались неисправными. К 1 августа 1941 года потери советских ВВС достигли 10 тысяч самолетов, из которых 5240 числились как «неучтенная убыль».

И вот начавшаяся таким образом война закончилась в Берлине. Первым (по хронологии, а может быть, и по значимости) творцом «великого перелома» стал Адольф Гитлер. Величайший преступник и изувер вроде бы не был клиническим идиотом, однако перечень безумных ошибок, совершенных им в 41-м году, не перестает удивлять.

Начнем с простого и малого. Оказавшись в Смоленске, надо было, невзирая ни на какие угрозы флангам, идти, ломиться, рваться к Москве. Такое решение не есть вопрос оперативного искусства (в бесконечных спорах о котором каждый будет по-своему прав). Это главная философия войны, «человеческий фактор», который такой мастер управления толпой, как Гитлер, должен был бы понимать. Потеря столицы, символа власти и величия страны да еще и через месяц после начала боевых действий не могла не произвести ошеломляющего впечатления на армию и народ. Выражаясь более содержательным языком, захват Москвы многократно повышал коэффициент положительной обратной связи («война все равно проиграна, чего ради я должен гробить свою единственную жизнь», и армия превращается в разбегающуюся толпу, что еще более ускоряет продвижение противника).

И не забудем о том, что в Директиве № 21, самим же Гитлером и подписанной, именно захват Москвы был обозначен главной задачей: *«Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»*. Тем, кто этого давно не делал, рекомендую взглянуть на карту железных

дорог СССР – основные магистрали стянуты в одну точку, и эта точка в Москве. Тем не менее после форсирования верхнего течения Днепра и выхода к Смоленску начинаются многонедельные дискуссии, итогом которых становится решение повернуть подвижные соединения Группы армий «Центр» на север (к Ленинграду, Тихвину) и на юг (к Киеву). В результате операция «Тайфун» (битва за Москву) начинается только 30 сентября на размытых осенними дождями дорогах, два с половиной месяца бездарно потеряны.

Эта ошибка была (для немцев) пагубной, но не сказать, чтобы сильно удивительной, ибо она стала логическим следствием другой, гораздо более серьезной ошибки – вермахт отправился (точнее говоря, был послан «фюрером и Верховным главнокомандующим») воевать с крупнейшей сухопутной армией мира, имея минимальные, абсолютно неадекватные задаче резервы. Всего с 22 июня и до конца 1941 года на Восточном фронте из резерва ГК в бой было введено 2 танковые, 1 моторизованная и 25 пехотных дивизий – и это в ситуации, когда противник бросал на фронт новые соединения сотнями да и протяженность самого фронта выросла более чем в два раза. Вот и приходилось немецким генералам заниматься «латанием тришкиного кафтана» в те моменты, когда для развития успеха требовалось ввести в бой мощные свежие силы.

Не менее красноречива и динамика пополнения танковых войск. За первые два с половиной месяца войны (как было уже отмечено, в такой срок надо было или разгромить «восточного колосса», или застрелиться) весь Восточный фронт получил на восполнение потерь 89 (восемьдесят девять) танков. Причем ровно половину от этого «огромного количества» составляли легкие чешские Pz-38(t). Всего же до конца 41-го года на Восточный фронт было отправлено 513 танков и «штурмовых орудий». Так можно воевать на фронте в полторы тысячи километров? С противником, который считает танки тысячами?

Но, быть может, Германии просто нечем было снабжать свою воюющую армию? Без лишних слов приведу три цифры: 89, 560, 3060. Первая – это упомянутая выше поставка танков на Восточный фронт. Вторая – средний по 41-му году объем двухмесячного производства танков. Даже работая спустя рукава, в одну смену, со всеми праздниками и выходными днями, при 40-часовой рабочей неделе Германия способна была каждые два месяца обеспечить танками три новые дивизии. А третья цифра – это средний объем двухмесячного производства танков и «штурмовых орудий» в 1944 году. Это то, что сделали под градом бомб, с потерей важнейших источников легирующих добавок для танковой брони.

В то время (июль 41-го), когда Смоленской группировке вермахта нечем было продолжать наступление на Москву, 45 пехотных и 2 танковые дивизии бездействовали во Франции и на Балканах, 8 пехотных дивизий готовились отражать мифическую высадку англичан в Норвегии. На этапе подготовки к войне против СССР (с момента окончания французской кампании и до апреля 1941 года) из вермахта были демобилизованы (!) 500 тысяч человек, то есть личный состав, достаточный для укомплектования 30 пехотных дивизий... Перечень подобных фактов можно продолжать долго, но все они в конечном итоге свидетельствуют об одном – о запредельно авантюристической недооценке противника (Красной армии).

Невероятно, но факт: война против СССР изначально рассматривалась Гитлером как мелкий эпизод в Великой Битве против Британской империи («разбить советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет

закончена война против Англии»). Директива № 32 с задачами вооруженных сил Германии на период после завершения «Барбароссы» была составлена 11 июня 1941 года. Это не опечатка. 11 июня, за 10 дней до начала «Барбароссы» (правда, в тот день ее Гитлер не утвердил, и составленная на ее основе директива была подписана 14 июля; предполагалось «значительно сократить состав сухопутных сил», а высвободившиеся ресурсы направить на всемерное развитие люфтваффе). А ведь говорили же им: «Не хвались, идучи на рать...»

Какими бы странными и губительными ни были упомянутые выше решения, все они бледнеют на фоне главной, воистину фатальной ошибки Гитлера: разглагольствуя про «глиняный колосс без головы», он так и не понял, что разгромить Советский Союз чисто военными средствами не удастся и «глубокое выдвижение танковых клиньев» имеет смысл только в качестве внешнего ДЕТОНАТОРА, инициирующего внутренний политический взрыв. Вот для этого, главного, не было сделано ничего – даже в ситуации, когда победа над сталинской империей буквально валилась Гитлеру в руки.

В национальных окраинах СССР (Прибалтика, Западная Украина, позднее – Северный Кавказ и Кубань) полыхал полномасштабный вооруженный мятеж, приведший к появлению во Львове, Риге и Каунасе самозванных правительств самопровозглашенных «государств». К концу лета 41-го года в плену у немцев были полтора миллиона бывших военнослужащих Красной армии, в течение сентября-октября 1941-го это число увеличилось вдвое. Фактически то был огромный «призывной контингент» с готовым командным составом, с военными специалистами всех сортов и с циклопическими горами оружия – от винтовок до танков включительно, которое ведь не испарилось бесследно, а осталось на оккупированной немцами территории.

Генералы вермахта, которые видели положение в Красной армии с близкого расстояния (в частности читали те протоколы допросов советских военнопленных, которые сейчас выложены на моем сайте), неоднократно обращались к Гитлеру с предложением использовать уникальную ситуацию. Совершенно реальной представлялась возможность повторить опыт 1918 года, когда Германия, поддержав смену власти в России, заключила с новым правительством сепаратный Брестский мир и обеспечила себе таким образом свободу рук для наступления на Западном фронте.

К счастью для человечества, Гитлер упустил свой шанс. Он даже не попытался «подсластить пилюлю» и представить свою агрессию против СССР как «освободительный поход». Пленных красноармейцев сгоняли на огромные, опутанные колючей проволокой поляны и морили там голодом и дизентерией. Когда командующий Группы армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок отправил в Берлин проект создания «освободительной армии» из 200 тысяч добровольцев и формирования русского правительства в Смоленске, то его доклад был возвращен в ноябре 1941-го с резолюцией Кейтеля: «Такие идеи не могут обсуждаться с фюрером».

У меня нет никакого рационального объяснения подобной самоубийственной глупости. Разве что остается вспомнить высказанную покойным Игорем Буничем мысль про некий загадочный «самоликвидатор», который Судьба встраивает в механизм тоталитарной диктатуры. Мистика? Тогда давайте обратимся к абсолютно конкретной и проверяемой науке – метеорологии.

В полдень 16 ноября 2014 года температура воздуха в Москве была минус 4 градуса, осадков нет, снежного покрова нет. 16 ноября 2013 года – плюс 3 градуса, вечером слабый дождь, снега нет. 16 ноября 2012 года – плюс 5, слабый дождь, снега нет. 2011 год – минус 3, осадков нет, снега нет. 2010 год – плюс 10, осадков нет, легкая дымка. Это не «альтернативная история», это реальная погода. И 16 ноября 1941 года, в тот день, когда у разъезда Дубосеково произошел известный бой, тоже могло бы быть плюс 10. А еще лучше (для немцев лучше) – минус 3, легкий морозец и скованные холодом поля, превратившиеся в проходимую для всех видов транспорта дорогу. Но в реальности вышло по-другому...

Рузвельт. Американское чудо

СССР и Германия воевали не в одиночку. У них были (появлялись, уходили) союзники. На Гитлера, как известно, «работала вся Европа». Историки старательно подсчитывают: вот тут трофейными французскими танками был вооружен танковый батальон вермахта, вот союзная Болгария получила сотню французских истребителей «Девуатин» D-520, а вот и сами немцы приняли на вооружение люфтваффе 248 трофейных «Девуатинов» да еще и приказали собрать 150 штук новых, и все они где-то в тыловых округах ПВО утюжили небо...

После 22 июня 1941 года у Сталина тоже появился союзник, причем такой, что его ресурсы соотносились с упомянутой «всеевропой», как бревно с соринкой из известной евангельской притчи.

Согласно широко распространенному заблуждению Соединенные Штаты стали супердержавой в 1945 году, но это неверно – абсолютным лидером мировой экономики США стали гораздо раньше. Уже к концу 20-х годов объем промышленного производства Америки превосходил (в стоимостном выражении) показатели Великобритании, Франции, Германии, Италии и Японии вместе взятых. По выплавке стали США в 1,4 раза превосходили Англию, Францию и Германию, по выработке электроэнергии – в 1,7 раза, по выпуску автомобилей в 1930 году США в 3 раза превосходили весь остальной мир, доведя свой собственный автопарк до 24 миллионов единиц. И с началом мировой войны эти цифры начали многократно возрастать.

В 1940 году в СССР было произведено 60 тысяч тонн алюминия, план 41-го года предполагал выход на отметку в 100 тысяч тонн, фактически же произошло обрушение производства, и к довоенному уровню удалось вернуться лишь в 43-м году. США в 1935 году произвели 54 тысячи тонн алюминия, в 1941-м – 280, в 1942-м – 473, в 1943-м – 835 тысяч тонн.

Нефти в СССР было много, накануне войны добывалось порядка 30 миллионов тонн в год – абсолютное первое место среди стран Старого Света (ближайший в восточном полушарии конкурент – Иран добывал в три раза меньше). Добыча нефти в Румынии была в пять раз меньше, чем в СССР, причем поставки румынской нефти в Германию никогда не превышали 3 миллионов тонн. США в годы войны добывали в среднем по 232 миллиона тонн нефти в год – и это не опечатка.

Основа всякого промышленного производства – энергетика. Выработка электроэнергии в СССР в 1942 году сократилась до 29 миллиардов киловатт-часов,

но к концу войны увеличилась до 43 миллиардов. Англия в среднем за время войны вырабатывала по 53 миллиарда киловатт-часов в год, США – 280 миллиардов. И так далее. Огромный, многократно превосходящий возможности прочих участников мировой войны экономический потенциал Америки позволил ей развернуть производство самого разнообразного вооружения в циклопических количествах. Кое-что от этого изобилия досталось и Советскому Союзу.

В частности: 18 тысяч боевых самолетов, 12 тысяч танков и САУ, 7 тысяч бронетранспортеров, 520 кораблей разных классов, 375 тысяч грузовых автомобилей, 50 тысяч полноприводных «Виллис» и 35 тысяч мотоциклов, 2 тысячи паровозов, 11 тысяч вагонов и 620 тысяч тонн железнодорожных рельсов, 7 тысяч бортовых авиационных радиопередатчиков, 16 тысяч танковых и 53 тысяч разных прочих радиостанций, 619 тысяч телефонных аппаратов и 2 миллиона километров телефонного провода (можно 48 раз обмотать Землю по экватору), 3 тысячи километров пожарного шланга, 10 миллионов радиоламп, 170 наземных и 370 бортовых радиолокаторов, 12 тонн драгоценного цезия и 10 тысяч тонн графитовых электродов, 8 тысяч малокалиберных зениток и 18 миллионов снарядов к ним, 6 тысяч комплектов полуавтоматических зенитных прицелов и 903 тысячи детонаторов разных типов, 603 миллиона патронов ружейного калибра и 3 миллиона снарядов для 20-мм авиапушек, 6 тысяч тонн тетраэтилсвинца (антидетонационная присадка к авиабензину) и 1170 тысяч тонн готового авиабензина (с учетом высокооктановых «светлых фракций»), 13 миллионов пар кожаных армейских ботинок и 40 миллионов граммов стрептоцида...

По поводу этого (разумеется, далеко не полного) перечня в обществе есть два мнения. Первое (устаревшее): «Спасибо и на этом, но могли бы и больше прислать». Второе (современное): «Гады, сволочи, паршивой тушенкой от войны откупились...» Лично у меня нет мнения, но есть вопрос: «Зачем? С какой стати Америка должна была дарить Сталину хотя бы один ржавый гвоздь?».

Соединенные Штаты вступили в войну (сначала фактически, затем и формально-юридически) с определенными, публично объявленными целями. 6 января 1941 года, выступая перед конгрессом с обоснованием того, что в дальнейшем получило название «ленд-лиз», президент Ф. Д. Рузвельт заявил: *«Давайте скажем демократическим странам: «Мы, американцы, жизненно заинтересованы в защите вашей свободы. Мы предлагаем вам нашу энергию, наши ресурсы и нашу организационную мощь для придания вам силы в восстановлении и сохранении свободного мира».* И какое же отношение к столь благородным идеям могут иметь поставки вооружения для сталинской империи? Это что, «демократическая страна»? Тирания, превзошедшая в своей жестокости, тотальности и лживой подлости худшие черты гитлеровского режима, – это «свободный мир», которому объявившая себя «арсеналом демократии» Америка должна была подарить 17 миллионов тонн разнообразного военного снаряжения?

Ладно. Забудем про идеалы и поговорим про интересы. Грубые, приземленные, прагматические интересы. С ними-то все еще проще – коль скоро два диктатора (Гитлер и Сталин) не смогли полюбовно договориться о дележе добычи и вцепились друг другу в глотку, то у США в такой ситуации был вполне понятный интерес: «И пусть они воюют как можно дольше и убивают друг друга как можно больше». Что – с точки зрения интересов США – могло быть лучше, чем взаимное самоистребление нацизма и коммунизма, осуществленное чужими руками, без пролития крови американских солдат?

Да, есть два важных уточнения. На начальном этапе войны (лето-осень 41-го года) существовала реальная вероятность (с точки зрения интересов США – опасность) быстрого разгрома одной из сторон (Сталина) и/или заключения между ними вынужденного мирного соглашения («второе издание Брестского мира»). Вот этого следовало избежать, однако именно на данном этапе помощь Америки была минимальной (первый протокол о поставках был подписан только 1 октября 1941 года, и подписание еще не есть поставка реальных товаров).

Во-вторых, продвижение немцев в Северной Африке (Ливия, Египет) создавало реальную угрозу захвата ими ближневосточной нефти, а это могло перевернуть глобальную стратегическую ситуацию (катастрофическое ослабление Британской империи и огромные дополнительные возможности для Гитлера). Безучастно смотреть на это американцы не стали, и их совместные с английскими войсками действия (операция «Факел», высадка крупного морского десанта на побережье Марокко и Алжира, начавшаяся 8 ноября 1942-го) понятны и сообразны цели. Но вот после капитуляции германо-итальянских войск (15 мая 1943 года в плен тогда попали порядка 250 тысяч человек) США могли с сознанием хорошо выполненной работы прекратить всякое вмешательство в военные действия на Европейском континенте, оставить Гитлера и Сталина наедине с их незавидной судьбой, а сами заняться деятельной подготовкой к тому моменту, когда две тоталитарные диктатуры обескровят друг друга.

Строго говоря, такую «подготовку» они вели и в реальной истории. В сентябре 1942-го состоялся первый полет, и в следующем году началось серийное производство стратегического бомбардировщика B-29 Superfortress. В сравнении с современными ему бомбардировщиками это было даже не «следующее поколение», а другая эпоха.

Американская «Суперкрепость» – это 63 тонны взлетного веса и 9 тонн максимальной бомбовой нагрузки; с нагрузкой в 4,1 тонны самолет мог пролететь 5310 километров, то есть с аэродромов в южной Англии можно было бомбить Ленинград, Москву и Киев, от Тегерана – Пермь, Свердловск и Челябинск. Четыре мотора по 2200 лошадиных сил каждый, с мощным турбонаддувом, обеспечивали максимальный потолок в 11 километров и скорость 575 километров в час. Гермокабина для всех членов экипажа, дистанционно управляемые пулеметные турели, баллистический вычислитель, сопряженный с радиолокационным стрелковым прицелом... На стратосферной высоте самолет был практически неуязвим для зенитной артиллерии и истребителей своего времени.

К середине 1945 года американские заводы выпустили более 3 тысяч таких бомбардировщиков. В реальной истории «принуждение к капитуляции» с использованием B-29 происходило следующим образом: в ночь с 9 на 10 марта 1945 года 279 бомбардировщиков сбросили на Токио 1665 тонн зажигательных бомб и развившийся «огневой шторм» выжег дотла 40 квадратных километров городской застройки. Геометрически это площадь круга диаметром 7 километров, арифметически – в 8 раз больше зоны разрушения в Хиросиме. За одну ночь в Токио погибли 84 тысячи человек.

В ночь с 12 на 13 марта 274 B-29 совершили налет на Осаку, уничтожив 21 квадратный километр городской застройки. В ночь с 16 на 17 марта по городу Кобе отбомбились 331 B-29, но не столь успешно – сгорело дотла «лишь» 8 квадратных километров... Всего в марте 45-го «Суперкрепости» выполнили 1505 вылетов,

уничтожив 82 квадратных километра в четырех крупнейших городах Японии (Токио, Кобе, Осака, Нагоя). Убиты и ранены 220 тысяч человек.

Темп дальнейшего истребления ограничивался только графиком доставки многих тысяч тонн бомб на аэродромы Марианских островов. В ночь с 13 на 14 апреля 327 В-29 совершили повторный налет на Токио, сбросив 2100 тонн бомб. В мае-июне в налете на один объект участвовало до 470 бомбардировщиков. Итог этой серии – полное разрушение 40 процентов площади застройки атакованных городов. К июню крупные города в Японии закончились, и американские ВВС приступили ко второй части операции – налетам на 58 городов с населением по 100–200 тысяч человек. В июле 1945 года В-29 совершили 6697 вылетов, сбросив более 43 тысяч тонн бомб; всего в течение двух месяцев было выжжено дотла 187 квадратных километров. На этом фоне атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была лишь мелким эпизодом, правда, оказавшим сильнейшее психологическое воздействие на японское руководство

Подробнее: <http://vpk-news.ru/articles/25576>

часть II

События 1941–1945-го не всегда поддаются логическому объяснению

Марк Солонин

Продолжение. Начало [читайте в предыдущем номере](#).

В реальной истории атомный Армагеддон произошел в Японии, которая была принуждена капитулировать прежде, чем первый американский солдат ступил на ее землю. Разрушение основных промышленных центров СССР заняло бы несколько больше времени и потребовало бы большего расхода боеприпасов, но ничего принципиально невозможного в этом не было (Германию, напомню, разрушили безо всяких «бы»).

Логично предположить, что если бы Америка не тратила колоссальные ресурсы на ведение войны в Европе (на ленд-лиз для СССР в частности), то и атомная бомба, и армады стратегических бомбардировщиков могли бы появиться раньше и в большем количестве.

Если война на море обескровила немецкую экономику в

метафорическом смысле, то война в воздухе испепелила Германию в

прямом значении этих слов

Можно даже попытаться оценить эти «раньше» и «больше» в конкретных цифрах. В рамках поставок по ленд-лизу Советский Союз получил всякого добра на 9,5 миллиарда долларов. С учетом произведенных работ и услуг (прежде всего транспортных, ибо 17 миллионов тонн товаров не сами же по воздуху прилетели, а были доставлены американскими судами за многие тысячи морских миль) общая стоимость ленд-лиза в СССР составила 11 миллиардов долларов. А весь проект «Манхэттен» (создание атомной бомбы, включая строительство гигантских заводов по выработке расщепляющихся материалов) обошелся «всего лишь» в два миллиарда долларов. Одна тысяча бомбардировщиков В-29 стоила казне 0,8 миллиарда долларов.

Далее простая арифметика показывает, что без ленд-лиза для СССР американцы смогли бы потратить на «Манхэттен» в пять раз больше денег да еще и добавить 3,5 тысячи дополнительных к 3 тысячам реальных «Суперфортрексов». При всей условности такого расчета он все же позволяет оценить масштаб явления. И если бы участие США в европейской войне ограничивалось одним только ленд-лизом!

В небесах и на море

Не имея возможности (точнее говоря, убедившись практически в своей неспособности) высадить армию вторжения на Британские острова, Гитлер пытался задушить строптивых англичан удавкой морской блокады. Союзники упорно, а затем и успешно сопротивлялись такому намерению. В водах Атлантики, в морских глубинах и в заоблачных высях над океаном шла грандиозная война. Грандиозная не по числу прямо задействованных в морских сражениях людей, а по затратам материальных и интеллектуальных ресурсов – и эти затраты не становятся меньше от того, что советский/российский человек про эту составляющую мировой войны почти ничего не знает.

Коллаж Андрея Седых

Германия вступила в войну, имея 57 подводных лодок, причем почти все они (50 из 57) были «прибрежными» водоизмещением 250 тонн (II серия). Для большой океанской войны с Британской империей этого было мало, поэтому бешеным темпом началось строительство новых подводных кораблей. В 1942 году каждый месяц (!) со стапелей сходило от 18 до 26 подводных лодок, причем это были субмарины VII и IX серий с надводным водоизмещением 700 и 1100 тонн соответственно.

А теперь немного посчитаем. В первом полугодии 1942 года (а это и Керчь, и Ржев, и Харьков, и начало наступления на Сталинград) в Германии (с учетом заводов оккупированных стран) производилось в среднем 360 танков, большую часть которых составляли Pz-III весом 20 тонн.

Итого – порядка 7200 тонн совокупного веса. 123 подводные лодки, построенные за эти же шесть месяцев, имели совокупный вес 8600 тонн (фактически с учетом тяжелых «девяток» еще больше). То есть даже по совокупному весу, по расходу металла, строительство подводного флота поглощало больше ресурсов, нежели танковое производство. Однако тонна тонне рознь. При всем моем уважении к танкистам, подводная лодка по «плотности заполнения» сложнейшими системами (гидроакустика, автономная навигация, дальняя радиосвязь, жизнеобеспечение экипажа, оптика, гидравлика, пневматика, аккумуляторы и пр.) значительно превосходит танк.

В первой половине 1942 года немцы теряли по три-четыре подводные лодки в месяц, во втором полугодии – уже 11, но производство перекрывало потери, и численность субмарин Деница в океане непрерывно росла. За год они потопили 1160 судов совокупным водоизмещением 6,27 миллиона тонн. Три океанских корабля в день. Но это в среднем, а вот в марте было потоплено 273 судна – девять в день. Для полной ясности напомним, что весь торговый морской флот СССР накануне войны «весил» 1,8 миллиона тонн, в 1955 году – 3 млн, в 1960-м – 4,8 млн, то есть потерять 6 миллионов тоннажа мы бы не смогли «при всем желании».

Перелом наступил в мае 1943 года, когда союзники отправили на дно морское 41 немецкую субмарину. В ответ на это Германия запускает программу строительства огромных (1600 тонн надводного водоизмещения) океанских лодок XXI серии, которые предполагалось делать в темпе 33 единицы в месяц! Размеры газетной

статьи не позволяют рассказать подробнее про этот шедевр инженерной мысли, поэтому ограничимся краткой исторической справкой. Потратив всего-то шесть лет на изучение готового образца, советская судостроительная промышленность начала в 1951 году выпуск подводных лодок «проект 613», удивительно похожих на немецкую субмарину XXI серии. За семь мирных лет, без града бомб, падающих на заводские цехи, было построено 215 таких лодок, что сделало их самыми массовыми в истории советского подводного флота.

Немцы с июля 43-го (официальное начало программы) до мая 45-го построили 118 подводных лодок XXI серии. Да, не все они были доведены до полной боеготовности, многие уничтожены в доках ударами авиации союзников, но нас в данном случае интересует не боевое применение, а затраты материальных, производственных, людских ресурсов Германии на ведение океанской войны. Всего с 39-го по 45-й год спущено на воду 1153 подводные лодки совокупным тоннажем 960 тысяч тонн. Считая самым примитивным образом – по весу, это соответствует 40 тысячам средних танков типа Pz-III или Pz-IV. Много ли это? Фактически за все время войны было произведено 8300 Pz-IV и 5800 Pz-III, а также 13,8 тысячи САУ на их шасси, всего порядка 28 тысяч единиц бронетехники среднего класса.

Подводные лодки были для немцев главным, но далеко не единственным инструментом войны на море. Так, в 1942 году (самом тяжелом для западных союзников) в дополнение к 1160 кораблям, ставшим добычей подводных лодок, 142 были потеряны от действий немецкой авиации, 85 потоплены надводными судами, 34 подорвались на минах, 137 потеряны при невыясненных обстоятельствах. В целом за все годы войны на долю подводных лодок пришлось 56 процентов от общего числа потопленных торговых судов союзников (2882 из 5150) и 67 процентов от их совокупного тоннажа (14,5 из 21,6 млн тонн). Как видим, другие рода войск (прежде всего авиация) внесли свой и весьма значительный вклад да и столь результативные действия подводных лодок были бы невозможны без постоянной воздушной разведки на огромном океанском ТВД.

Все это означает новые колоссальные затраты: тысячи самолетов, сотни тысяч тонн авиабензина, высотные торпеды, низковысотные торпеды, мины, локаторы, радиоуправляемые планирующие бомбы Fritz-X, крылатые противокорабельные ракеты Hs-293 (два последних типа оружия, опередивших свое время на десятилетие, были в количестве более 500 единиц применены в боевых действиях, произведено же их втрое больше). Именно в морскую авиацию была передана большая часть выпущенных бомбардировщиков «новых типов» – дальние двухмоторные Do-217 и гигантский 30-тонный «Урал-бомбер» He-177.

50 Хиросим в месяц

Если война на море обескровила немецкую экономику в некоем метафорическом смысле, то война в воздухе испепелила Германию в самом прямом значении этих слов. Объектами массированных бомбардировок до конца 1944 года стали четыре пятых немецких городов с населением 100 и более тысяч человек; в 70 городах было разрушено не менее половины жилых строений, без крова осталось 7,5 миллиона человек. В среднем от 12 до 15 миллионов немцев каждую ночь просыпались от воя сирен воздушной тревоги и, хватая в охапку детей, бежали в бомбоубежища – с понятными последствиями для производительности их труда на следующий день. Самым же главным последствием бомбардировок стала гибель

593 тысяч человек (данные Статистического бюро ФРГ за 1962 год), число раненых, которым потребовалась госпитализация, приближается к миллиону.

Принципиальное решение о переходе к «ковровым бомбардировкам» немецких городов было принято 14 февраля 1942 года, и в ночь с 28 на 29 марта старинный Любек исчез в дыму и пламени. Убиты и ранены 1100 человек, полностью разрушено 1044 здания. Таким было начало, отдаленная зарница надвигающейся грозы. Первый налет с участием тысячи бомбардировщиков (Геринг не поверил донесению и истошно кричал в телефонную трубку на «паникеров») состоялся в ночь с 30 на 31 мая 1942 года. В течение полутора часов на Кельн обрушилось 1455 тонн бомб, которые привели к возникновению 1700 пожаров. Но у англичан на тот момент всего (опыта, тяжелых бомбардировщиков, систем ночной радионавигации) было мало, истребителей прикрытия не было вовсе, и год закончился на скромной отметке в 50 килотонн бомбового груза.

Настоящий ад надвинулся на Германию в следующем, 1943 году. Англичане сбросили 157 килотонн, американские «летающие крепости» добавили еще 44. Переломной точкой стало уничтожение Гамбурга в ходе многодневной (с 25 июля по 3 августа) операции под кодовым названием «Гоморра» («...и пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба»). В ходе четырех основных рейдов тяжелые бомбардировщики выполнили 3095 вылетов и сбросили на город девять килотонн разнообразной «нагрузки», включая полтора миллиона мелких зажигательных бомб. После второго налета, в ночь на 28 июля в городе развился «огненный шторм», в пламени которого сгорели дотла 16 тысяч многоэтажных домов на площади 21 квадратный километр – в четыре раза больше зоны разрушения в Хиросиме. Тяжелые повреждения получили 300 тысяч жилых и 580 промышленных зданий, уничтожено 12 мостов, в гавани потоплены суда общим тоннажем 180 тысяч тонн. Большая часть города превратилась в 40 миллионов тонн строительного мусора.

Среди развалин были найдены тела 32 тысяч погибших – это те, от кого остались поддающиеся учету останки; по оценкам историков, всего в Гамбурге погибли от 40 до 50 тысяч человек. Отнюдь не желая оскорбить патриотические чувства, замечу, что именно эта трагедия, а не бои на какой-то загадочной «дуге» за тысячи километров от Германии, потрясла в тот момент немецкий народ. *«Судьба Гамбурга привела меня в ужас, – пишет в своих мемуарах бывший рейхсминистр вооружений Шпеер. – 29 июля на заседании в управлении централизованного планирования я сказал: «Если авианалеты будут продолжаться в таких же масштабах, то через три месяца мы избавимся от всех проблем».* Шпеер ошибся – агония «тысячелетнего рейха» продолжалась еще без малого два года.

В течение 1944 года на Германию обрушилось 915 килотонн бомб. В отдельные месяцы «тоннаж» доходил до 110 килотонн. Для адекватной оценки этих цифр стоит привести данные из документа, составленного американскими военными экспертами, изучавшими после окончания войны последствия атомной бомбардировки Хиросимы. Они тогда скрупулезно подсчитали, что для достижения такого же разрушительного эффекта (разумеется, без учета радиационного заражения) потребовалось бы сбросить 2,1 килотонны обычных боеприпасов (400 т фугасных, 500 т осколочных и 1200 т зажигательных бомб).

К концу 1944 года промышленная и транспортная инфраструктура Германии была разрушена до основания, но массированные бомбардировки продолжались с неослабевающим напором вплоть до последних дней войны. За четыре месяца 1945-го на Германию было сброшено более 400 килотонн бомб. И хотя не все они

падали на города (авиация союзников мощными ударами поддерживала наступление наземных войск, на что также расходовались килотонны бомб и сотни тысяч самолетовылетов), даже записанная на бумаге статистика заставляет ужаснуться. 21 килотонна сброшена (суммарно за все время войны) на Штутгарт, 22 – на Дортмунд, 35 – на Кельн, 36 – на Эссен. Берлин за время войны бомбили 363 раза, на город сброшено 45,5 килотонны бомб, уничтожено 612 тысяч жилых зданий, зона полного разрушения достигла 26 квадратных километров; официально учтены 14 186 убитых, реальное же их число оценивается в 50 тысяч человек.

На юго-западе Германии, неподалеку от столь полюбившегося русским помещикам Баден-Бадена, в живописной долине лежит небольшой (современное население – 120 тысяч) город Пфорцхайм. А над городом возвышается поросшая лесом гора. Эта гора рукотворная. В ночь на 23 февраля 1945 года Пфорцхайм превратился в груды битого кирпича. Погибли то ли 9, то ли 17 тысяч человек. Уцелевшие люди собрали уцелевшие трамвайные рельсы, нашли пару уцелевших трамваев и вывезли на них остатки своего города. Получилась гора...

Разумеется, Германия пыталась сопротивляться. Самыми разнообразными, но всегда неизменно дорогостоящими (!) способами. Начиная с самого «простого» – с пассивной защиты населения.

Как уже заметил внимательный читатель, число убитых людей постоянно меньше (иногда на порядок меньше) числа разрушенных домов. Такой результат появился не сам собой, за ним стоят огромная работа и огромный расход материальных ресурсов: система раннего оповещения, бомбоубежища, пожарная служба, резервные источники воды и электричества, медицинская служба... Затем, когда выяснилось, что в условиях массированного бомбового удара подземные убежища превращаются в коллективные могилы, в крупных городах Германии началось строительство так называемых зенитных башен. Это были циклопические сооружения (высотой до 45 м), огромные железобетонные «термитники», в которых должны были укрываться по восемь тысяч человек, а фактически набивались и все 18 тысяч; перекрытие толщиной в три метра из особо прочного бетона выдерживало прямое попадание тяжелой авиабомбы, на крыше устанавливались зенитки, локаторы и прожектора. Сколько материалов, энергии, людского труда пожрала эта гигантская стройка?

В любом случае гораздо меньше, чем было израсходовано на активную оборону. Шпеер в своих мемуарах пишет: *«Треть оптических предприятий была занята выпуском оружейных прицелов для зенитной артиллерии. Около половины заводов электронной промышленности производили радары и коммуникационное оборудование для защиты от авиабомбардировок. На территории рейха и на западных театрах военных действий небо охраняли 10 тысяч зенитных орудий. Эти зенитки мы могли бы использовать в России против танков и других наземных целей и если бы не новый фронт, воздушный фронт над Германией, удвоили бы количество противотанкового оружия».*

Для того чтобы охранять небо, зенитки должны стрелять. Часто и много, очень дорогими зенитными снарядами. Выстрел 88-мм зенитки стоил 80 рейхсмарок – это себестоимость четырех пистолетов «Парабеллум» с запасными обоймами, три выстрела стоили как один пехотный пулемет. По статистике на один сбитый бомбардировщик немцы в среднем расходовали 3343 снаряда 88-мм зенитных орудий, то есть 267 тысяч марок (не считая износ и стоимость ствола, ресурс

которого отнюдь не безграничен); на такие деньги можно было бы «купить» два истребителя «Мессершмидт» Bf-109G со средним танком Pz-IV в придачу и отправить их на Восточный фронт.

Поскольку традиционные средства ПВО оказались бессильны остановить воздушное наступление союзников, немцы вводили в строй и в бой все более и более сложную военно-техническую «экзотику». Простое перечисление того, что успела изобрести и испытать сгорающая под бомбами Германия, заняло бы всю газетную полосу. Наземные радиолокаторы, бортовые радиолокаторы, сопряженные с радаром автоматические зенитные прицелы, средства постановки помех для бортовых локаторов вражеских бомбардировщиков, четырехтонная радиоуправляемая зенитная ракета «Вассерфаль», неуправляемые реактивные снаряды для залповой стрельбы по бомбардировщикам, ракетный истребитель Me-163, двухмоторный реактивный истребитель «Мессершмидт» Me-262, ракетный истребитель вертикального старта (своеобразная «пилотируемая зенитная ракета») Va-349, реактивный истребитель He-162...

Все перечисленное реально летало, стреляло, излучало. Реактивный Me-262 был выпущен в количестве 1433 единицы, ракетных Me-163 сделали более 400. Гигантские ресурсы пожрала реализация идефикс Гитлера о способном изменить ход войны «оружии возмездия». Германские инженеры создали первую в мире крылатую ракету Fi-103 (она же «Фау-1»); беспилотный самолет с пульсирующим воздушно-реактивным двигателем при стартовом весе 2160 килограммов способен был пролететь 250 километров с боевой нагрузкой в 800 килограммов взрывчатки (после войны, имея образец для копирования, КБ Челомея десять лет промучилось с аналогом, да так и не смогло довести его до ума). Производство «Фау-1» было поставлено на поток, выпущено порядка восьми тысяч крылатых ракет.

Беспримерным достижением стал запуск в серийное производство баллистической ракеты средней дальности «Фау-2». Ни в одной стране мира ТАКОГО не было даже на чертежах. Огромное сооружение высотой с четырехэтажный дом разгонялось жидкостным ракетным двигателем (совершенно «настоящим» двигателем с турбонасосной подачей компонентов, использованием жидкого кислорода в качестве окислителя, прокачкой горючего через двойные стенки камеры сгорания, внутри которой полыхало адское пламя в 2700 градусов Цельсия) до гиперзвуковой скорости 1700 метров в секунду, ракета выходила за пределы атмосферы (высота траектории – 90 км) и доставляла тонну взрывчатки на расстояние 320 километров. перехват «Фау-2» средствами ПВО той эпохи был абсолютно невозможен. Несмотря на огромную стоимость (120 тысяч рейхсмарок, и это с использованием дармового труда заключенных), ракета производилась с темпом 600–700 единиц в месяц, и совокупный выпуск составил 5200 единиц!

А теперь представьте, что ничего этого не было.

Альтернативная война

«История не знает сослагательного наклонения». Интересный пример вопиющей глупости, которая от многократного повторения приобрела статус непреложной истины. Сослагательное наклонение неуместно в хронологической таблице; действительно, довольно странно выглядит фраза: «Король Луи-14 мог бы родиться в ... году». Но историография как разновидность гуманитарного знания (я

старательно избегаю определения «наука») гораздо шире и глубже составления хронологических таблиц. А вот для понимания смысла исторических событий, их причин и последствий проведение «мысленного эксперимента», то есть рассмотрение возможных альтернативных сценариев, столь же полезно, как и проведение технического эксперимента в физике или химии.

Итак, условия эксперимента следующие: в первые два года мировой войны (с сентября 1939 до осени 1942 года) все происходит, как и в реальной истории; участники войны, их ресурсы, их мотивация и способность добиваться поставленных целей соответствуют реальным. Затем, где-то на рубеже 42-го и 43-го годов, практически убедившись в том, что «блицкриг» Гитлера на Восточном фронте не удался, но и Красная армия, отброшенная на тысячу километров от границы, во всех смыслах далека от скорой победы, западные союзники радикально меняют стратегию своих действий. Бомбардировки Германии прекращаются, ленд-лиз в СССР прекращается, в Северной Африке союзники ограничиваются обороной. Гитлер намек понял, и война в Атлантике по обоюдному негласному решению прекращается. С этой минуты все ресурсы Германии направлены на достижение победы на одном-единственном Восточном фронте.

Командование люфтваффе не держит две трети истребителей на Западе (включая систему ПВО рейха) – там нет противника; эти истребители перемещаются на Восточный фронт, и таким образом численность немецких истребителей в небе над Россией возрастает в три раза. Дальние бомбардировщики, в реальной истории занятые воздушной разведкой над Атлантикой, отправляются на Восточный фронт. Бомбардировщики Ju-88 и дальние двухмоторные истребители Me-110, которые в реальной истории оснащали радары и использовали в качестве ночных истребителей, отправляются на Восточный фронт для использования по прямому назначению. Технические проблемы «Урал-бомбера» He-177 успешно разрешены (это сделали те инженеры, которые в реальной истории изобретали феерические ракетно-реактивные «вундервафли»), и сотни этих бомбардировщиков (даже в реальной истории было выпущено без малого тысяча штук) заняты тем, для чего их и проектировали.

Если этого окажется мало, то авиазаводы Германии, которые никто не бомбит, которые не надо разрывать на части и прятать в подземных укрытиях, которые не тратят время и дюраль на выпуск сложной и дорогостоящей «экзотики», могут выпустить дополнительно пять-шесть тысяч «обычных» боевых самолетов, но скорее всего для Восточного фронта этого и не потребуется.

Самолеты святым духом не летают, их надо заправлять бензином. А с бензином в советских ВВС беда. Его и в реальной-то истории с учетом американских поставок, обеспечивших две трети общего ресурса, остро не хватало, а что же будет теперь, без ленд-лиза? В 1941 году советские заводы производили в среднем 608 тонн высокооктанового (Б-78 и Б-74) бензина в день, в 1942-м – 943 тонны в день. Германия – соответственно 2436 и 3800 тонн в день. В четыре раза больше, но его приходилось делить на все фронты.

В следующем, 1943 году немцы в среднем выпускали по 4890 тонн в день, а в начале 44-го, до массированных ударов авиации союзников по заводам синтетического горючего, дошли до уровня 5500–6000 тонн в день, советские же заводы дают от 1150 до 1450 тонн в день. У немцев теперь уже в пять раз больше бензина, и по условиям «эксперимента» весь он уходит на Восточный фронт! Да

еще и большой вопрос – насколько «собственное» производство зависело от трех полнокомплектных заводов, полученных по ленд-лизу, и от поставок американского тетраэтилсвинца (по рецептуре эта антидетонационная добавка составляла 4 куб. см на литр, и ленд-лизские 6300 тонн полностью покрывают и даже перекрывают потребности советского производства высокооктанового авиабензина). Едва ли эту сильно ядовитую жидкость в таких количествах возили бы по морям-океанам, если бы в СССР были собственные мощности по производству тетраэтилсвинца в потребном количестве.

Мы знаем, каким в реальной истории было соотношение эффективности действий советских ВВС и их противника. В ситуации, когда немцы могут расходовать в четыре-пять раз больше бензина (то есть больше вылетов и лучше подготовка пилотов), когда численность самолетов люфтваффе возрастает в несколько раз в сравнении с событиями реальной истории, исход может быть только один: абсолютное господство немецкой авиации. Строго говоря, уже на этом наш «мысленный эксперимент» можно завершать, ибо экстраполяция реальных событий на виртуальную схему не дает оснований усомниться в том, что будет с Красной армией в ситуации абсолютного господства противника в воздухе, но не будем лениться и посмотрим – что происходит на земле.

Окончание читайте в [следующем номере](#).
Подробнее: <http://vpk-news.ru/articles/25676>

часть III

События 1941-1945-го не всегда поддаются логическому объяснению

Марк Солонин

Окончание. В газете уже опубликованы [первая](#) и [вторая](#) части.

Главной ударной силой сухопутных армий середины XX века были танковые войска. Постараемся оценить, как прекращение ленд-лиза, прекращение боевых действий в Атлантике и в небе над Германией могли бы повлиять на численность танков и средств ПТО по обе стороны фронта.

Шпеер в своих мемуарах пишет, что «небо Германии охраняли 10 тысяч зенитных орудий». Память бывшего министра не подвела: по состоянию на август 1944 года на вооружении числилось 10,9 тысячи зениток калибра 88 миллиметров и две тысячи вдвое более тяжелых зениток калибра 105 миллиметров (это не считая многие тысячи малокалиберных систем и 503 единицы 128-мм зенитных монстров). А вот со следующей его фразой («и если бы не воздушный фронт над Германией, мы бы удвоили количество противотанкового оружия») придется поспорить. Гораздо больше, чем вдвое!

Пушки вместо пушек

В реальной истории немцы произвели в период 1942–1943 годов 10,9 тысячи 75-мм противотанковых пушек Pak-40. Каждая весила по 1,5 тонны и стоила 12 тысяч рейхсмарок. Зенитное орудие гораздо сложнее, тяжелее и дороже. 88-мм зенитка весила 7,2 тонны и стоила 33 600 рейхсмарок. Таких орудий в 1942–1943 годах было выпущено 7300. А это значит, что при сопоставимых затратах металла и труда можно было получить дополнительно 20–25 тысяч противотанковых Pak-40. И еще в 10–12 тысяч Pak-40 конвертируются две тысячи 105-мм зениток, в реальной истории произведенных в 1942–1943-м.

Рузвельт понимал, какой вариант развития событий на советско-германском фронте является наиболее вероятным, и поэтому ни на день не оставил Сталина и Гитлера наедине друг с

другом

А теперь от техники переходим к тактике. Появление на полях сражений 75-мм противотанковой пушки Pak-40 принципиально изменило соотношение сил «щита и меча». Летом 41-го основная в системе ПТО вермахта 37-мм пушка оставляла на лобовой броне танка Т-34 лишь малозаметные вмятины. Летом 43-го после массового поступления в войска Pak-40 из ста попаданий в танк 88 пробивали броню. Победной весной 45-го года в ходе Висло-Одерской наступательной операции этот показатель дошел до 98. Попал, пробил, убил (трехдюймовый снаряд, взрывающийся внутри замкнутого объема танка, оставлял мизерные шансы на выживание экипажа). В обсуждаемой виртуальной схеме это происходит раньше и в гораздо большем масштабе, десятки тысяч «дополнительных к реальности» Pak-40 возвращают на поле боя ситуацию июня 41-го, когда немецкие артиллеристы уверенно расстреливали табуны легких БТ и Т-26.

От пушки ПТО переходим к танкам. Как было выше отмечено, в годы войны Германия произвела 1153 подводные лодки совокупным тоннажем 960 тысяч тонн, что по массе израсходованного металла соответствует 40 тысячам средних танков или 21 тысяче «Пантер» (в реальной истории их выпустили в количестве 1800 в 1943-м и четыре тысячи в 1944-м, причем в эти цифры включен и выпуск всех САУ на шасси «Пантеры»). Другими словами, свертывание производства субмарин открывает возможность для многократного увеличения численности этих лучших немецких танков, по всем параметрам превосходивших Т-34/76 (те, кто сомневается в возможности производства танков на судостроительных заводах, могут набрать в поисковике два слова: «Красное Сормово»).

Резюме: численность немецких танков возрастает по меньшей мере вдвое (не забудем и про переброску совершенно реальных танковых дивизий с Западного на Восточный фронт) и в составе танкового парка основной боевой машиной становится «Пантера» (в реальной истории, например во время Курской битвы, 200 «Пантер» и 147 «Тигров» составляли лишь 15 процентов от количества немецких танков). Противотанковые дивизионы пехотных дивизий вермахта уже к середине 1943-го полностью и с избытком перевооружены на 75-мм Pak-40, гарантированно пробивающую лобовую броню «тридцатьчетверки». И что же сможет противопоставить этому Красная армия?

«Всего» четыре процента

Даже в реальной истории (слово «даже» относится к тому, что «Тигры» и «Пантеры» применялись тогда в штучном количестве) с весны 1943 года превосходство танка Т-34 было полностью утрачено в результате появления новых модификаций основного немецкого танка Pz-IV с усиленной до 80 миллиметров лобовой броней и длинноствольной (48 калибров) пушкой. Бессильными против такой брони оказались и самая массовая в системе советской ПТО 45-мм пушка (даже в ее новой модификации М-42), и дивизионная «трехдюймовка» ЗИС-3.

Коллаж Андрея Седых

Восстановить некоторое равновесие на поле боя позволили запуск в серийное производство 57-мм противотанковой пушки ЗИС-2 и перевооружение «тридцатьчетверки» мощной 85-мм пушкой. Но в нашей «альтернативной реальности» ни того, ни другого не будет. Ни в 43-м, ни в 44-м, никогда. Почему? Длинный ствол и большой диаметр погона башни.

Противотанковая 57-мм пушка была разработана, испытана и официально принята на вооружение еще до начала войны. Дело оставалось за малым – наладить серийное производство. Единственное предприятие, которое хотя бы теоретически могло изготовить ствол огромной длины (73 калибра), завод № 8 в подмосковных Подлипках был загружен изготовлением зенитных пушек, и ситуация в небе войны не позволяла это производство свертывать. Горьковский артиллерийский гигант,

завод № 92, которому и было поручено изготовление ЗИС-2, реально оценив свои возможности, попытался на имеющемся оборудовании сделать некий «суррогат» с длиной ствола 63,5 калибра – ничего не получилось. А потом пришли ленд-лизские станки, и со второй половины 1943-го созданная творческим гением советского народа пушка ЗИС-2 тысячами пошла в войска.

По своим габаритам, весу, силе отдачи ЗИС-2 (равно как и немецкая Pak-40) обозначила предел возможного для буксируемой противотанковой пушки, но увеличить мощь орудия было жизненно необходимо: пробить «Пантеру» в лоб ЗИС-2 если и могла, то лишь стреляя практически в упор, а против «Тигра» она была и вовсе бесполезна. Решением (разумеется, далеко не полным) проблемы в реальной истории стал принятый на вооружение в январе 1944 года танк Т-34 с длинноствольной 85-мм пушкой.

С пушкой все уже понятно – поставленное союзниками уникальное оборудование позволило заводу № 92 изготовить ствол длиной более 4,6 метра, причем в огромном количестве (с марта 1944 до конца 1945 года выпущено 26 тысяч). Мощная пушка – это замечательно, но разместить ее в и без того тесной башне Т-34 не удавалось. И никогда бы не удалось, если бы творческий гений советских инженеров не увеличил «погон башни» (опорная кольцевая деталь, на которой башня вращается в корпусе танка) с 1420 до 1600 миллиметров, что позволило увеличить габариты всей башни. Впрочем, с гением инженеров все было нормально с самого начала проектирования Т-34, не было полученных по ленд-лизу станков, способных расточить погон такого диаметра и нарезать зубчатый венец.

Огромные карусельные станки – вещь заметная, о них хоть иногда вспоминают, признавая, что пресловутые «четыре процента» от объемов советского производства мы все-таки по ленд-лизу получили. А в каких процентах можно выразить такую «ерунду», как сверла, фрезы, резцы для обработки броневой стали? Сколько весит одно, даже очень крупное сверло – килограмм, два? Американцы прислали 14 203 000 килограммов быстрорежущей инструментальной стали – кто сегодня об этом помнит?

Главным (по весу) легирующим элементом броневой стали танка Т-34/85 (марка 71Л) был никель, на тонну брони расходовалось 24 килограмма. Из США по ленд-лизу было получено 13,8 тысячи тонн металлического никеля, еще 13 тысяч тонн поставили англичане. В абсолютных величинах этого хватает для брони 45 тысяч танков, в относительных – три четверти ресурса никеля в СССР. Молибдена в стали 71Л всего чуть-чуть – четверть процента, но без него броня нужного качества не получается; американцы прислали 16,9 тысячи тонн молибденового концентрата, что перекрывает потребности всего танкостроения в СССР.

Танки – это далеко не все, что нужно для технического оснащения танковых войск. Вслед за танками зимой и летом, в дождь и метель надо перемещать огромные объемы горючего, боеприпасов, запчастей, саперного имущества. Чем можно было заменить в этом деле 104 тысячи «Студебекеров» с их легендарной надежностью и проходимостью – разваливающейся на ходу «полуторкой»? Кстати, чем эти полуторки «обувать», если Ярославский шинный завод разрушен в ходе налета люфтваффе в ночь с 9 на 10 июня 1943 года (это реальная история), а ленд-лизских шин в количестве 3,6 миллиона штук нет и не будет? Колонну танковой бригады надо прикрывать от удара с воздуха – единственным мобильным

средством ПВО были полученные по ленд-лизу в количестве 1100 единиц самоходные зенитные установки М-15А1 и М-17.

Танки, конечно, привлекают особое внимание историков, журналистов, писателей и читателей, но главным средством поражения в годы Второй мировой была артиллерия, которая расходовала горы снарядов. Так, в 1942–1945 годах по самым массовым пехотным артсистемам было израсходовано 84,6 миллиона снарядов к 76-мм пушкам всех типов и 19,4 миллиона снарядов 122-мм гаубиц. Для их снаряжения требовалась (расчет Р. Марченко) 121 тысяча тонн пороха. От союзников было получено (то есть перевезено по морю, под бомбами и ударами подводных лодок) 123 тысячи тонн порохов, а также порядка 150 тысяч тонн химикатов для порохового производства. Порох надо засыпать в гильзу – по ленд-лизу получено 266 тысяч тонн латуни общей стоимостью 112 миллионов долларов (это цена 560 бомбардировщиков В-17 «Летающая крепость»). Порох в гильзе – это метательный заряд; то, что мечут, должно еще взорваться. По ленд-лизу было получено 46 тысяч тонн динамита, 146 тысяч тонн готового тринитротолуола (тротила) и 114 тысяч тонн толуола...

Три варианта

На этом прервем утомительный поток цифр. Чем могли, они нам помогли, дальнейшие оценки будут неизбежно субъективными: проверить калькулятором «альтернативную реальность», увы, невозможно.

На мой взгляд, наиболее вероятным является следующий вариант развития событий. Узнав, что союзники его «кинули», Сталин делает то, что в реальной истории произошло 28 июня 1941 года: уезжает на «ближнюю дачу», отключает телефон и проводит два дня в глубокой задумчивости (или полной прострации – не знаю, свидетели мемуаров не оставили). Вечером второго дня к нему приезжают ближайшие соратники. После этого Сталин (или те, кто убьет Сталина) посылает гонца к Гитлеру. Неделю спустя заключается новый Договор о дружбе и границе, но в отличие от документа с аналогичным названием, в реальности подписанного 28 сентября 1939 года, граница устанавливается не по рекам Западный Буг и Сан, а по Северной Двине и Волге.

Это реальный, компромиссный, но в целом отвечающий интересам участников вариант. Гитлер получает «жизненное пространство» с таким гигантским ресурсным потенциалом, что его хватит Германии на сто лет. Его бывшие противники сохраняют жизнь, власть и на безбрежных просторах «урало-сибирской советской социалистической республики» продолжают строить коммунизм (с тем же результатом, что и в реальной истории).

Второй из правдоподобных сценариев гораздо хуже. Сталин (или те, кто убьет Сталина) принимает решение воевать до конца. Этот конец, то есть неизбежный кровопролитный разгром, наступает самое большее в течение полугода. Не стану тратить буквы на описание возможных вариантов хода боевых действий, подкованный читатель прекрасно сделает это и без меня. В итоге все опять же заканчивается «урало-сибирской республикой», но на гораздо более жестких условиях: полная демилитаризация, многолетняя выплата огромных репараций, «живой налог» (отправка миллионов рабочих на восстановление разрушенного войной хозяйства Германии).

Увы, реалистичных сценариев ровно два. Но название статьи обязывает, и поэтому, наступив на горло здравому смыслу, попробуем описать то, что тысячу раз извинившись за цинизм, придется назвать «лучший вариант».

Итак, у немцев абсолютное превосходство в воздухе, нефтепромыслы Баку и Грозного сгорели под бомбами, на стороне вермахта качественное (не исключено, что и количественное) превосходство в танках и средствах ПТО, в моторизации войск и средствах связи. Что может противопоставить этому лишившийся союзников Советский Союз? Только одно – беспримерный массовый героизм, трудовой и боевой.

Старики и школьники роют противотанковые рвы, снаряды на фронт носят на руках (как вьетнамцы по «тропе Хо Ши Мина»). Бабы пашут не по 12, а по 25 часов в сутки, что позволяет высвободить и отправлять на фронт новые миллионы голодных («паршивой» тушенки, а также всей прочей ленд-лизовой еды не будет) и босых (минус 15 млн кожаных армейских ботинок) мужиков. И на огромном фронте от Баренцева до Каспийского моря начинается бесконечная многолетняя «Ржевская битва». Укладывая в землю дивизию за дивизией, Красная армия прогрызает оборону противника, немцы давят авиацией и танками, наносят мощные контрудары, затем новая волна советского наступления, новые миллионы трупов...

В почти невероятном случае, который придется назвать словом «лучший», года за два-три Красная армия дойдет от Волги до Днепра. Вот там-то ее и встретит «Днепровский вал». В реальной истории он назывался «Атлантический» и был построен немцами за те же самые два-три года. В реальной истории эти 5262 бетонных сооружения, эти 343 артиллерийские батареи с 1448 орудиями крупного (от 145-мм) калибра, эти 8,5 миллиона мин были установлены на побережье Голландии, Бельгии и Франции, но в нашей «виртуальной реальности» они появляются на высоком правом берегу Днепра. Большая стройка. Немцы потратили на «Атлантический вал» 3,7 миллиарда рейхсмарок (это не опечатка), что соответствует стоимости 300 тысяч противотанковых Pak-40 или 25 тысяч средних танков.

Проломить такую оборонительную линию можно только массированным применением тяжелой бомбардировочной авиации. Что значит массированным? 20 сентября 1944 года 633 бомбардировщика союзников нанесли удар по батарее «Линдемман» (три чудовищных 406-мм орудия, дальность стрельбы которых позволяла вести огонь по английскому берегу через Ла-Манш). И ничего. Перекрытия толщиной в пять метров особо прочного железобетона выдержали... В нашей ситуации, когда господство в воздухе у немцев, ни одного шанса преодолеть «Днепровский вал» у Красной армии нет. Даже если завалить Днепр трупами солдат до самого дна.

А в это время в богатой Америке, которая не потратила ни цента на войну в Европе, гудят обогатительные заводы – не те, на которых делали молибденовый концентрат для советской танковой брони, а другие, где обогащают уран и производят плутоний. К лету 1945 года США завершили (известным из реальной истории способом) войну с Японией, построили гигантский воздушный флот из четырех-пяти тысяч стратегических «Суперфортрексов», накопили первую сотню атомных бомб. После этого американцы вызывают представителей командования вермахта и Красной армии в Японию, проводят для них ознакомительную экскурсию по пепелищу на месте Токио, в бронебункере со свинцовой защитой

провозят по развалинам Хиросимы. После чего на борту линкора «Миссури» диктуют условия, на которых СССР и Германия прекращают войну.

Принимая во внимание левые симпатии самого Рузвельта, принимая во внимание наличие в США мощного просоветского лобби, можно предположить, что одним из пунктов этих условий будет восстановление довоенных границ СССР. Довоенных – это значит до 1 сентября 1939 года, то есть без Выборга и финской Карелии, без Эстонии, Латвии и Литвы, без восточной Польши, без Бессарабии и северной Буковины. И уж тем более без Восточной Пруссии, без словацкого Закарпатья, без Южного Сахалина, Курильских островов, Порт-Артура и Дайляна. И никаких «стран народной демократии».

Почему Америка не сделала ничего такого в реальности? Феномен Ф. Д. Рузвельта еще долго будет обсуждаться историками и политологами, и «мысленный эксперимент», проведенный нами, будет в этом обсуждении не лишним. Очень может быть, что Рузвельт тоже понимал, какой вариант развития событий на советско-германском фронте является наиболее вероятным, и именно поэтому ни на день не оставил Сталина и Гитлера наедине друг с другом.

Гладиаторы Сталина

Если самоубийственная глупость Гитлера позволила Советскому Союзу избежать разгрома летом 41-го, а многогранное участие в войне союзников помогло выстоять в 1942–1943 годах, то превращением этих благоприятных обстоятельств в конечную победу мы обязаны Сталину. Победа – это Сталин, безо всякой иронии и кавычек. И победил товарищ Сталин отнюдь не случайно. Он готовил победу с неукротимой силой своей стальной воли, он строил ее фундамент из года в год, не отвлекаясь на традиционные глупости диктаторов (дворцы, яхты, охота, бабы). Чудо-оружие, принесшее победу в войне, создавалось заранее, его испытывали, отточили, размножили в небывалом количестве. И оно сработало, даже на краю гибели – сработало!

22 июня, в момент неожиданного и внезапного нападения, среди всеобщей растерянности и нарастающего хаоса, когда с решением об объявлении мобилизации протянули до 4 часов дня, а ввести режим военных перевозок на железных дорогах так и вовсе забыли (!), в этот безумный день Президиум Верховного Совета СССР успел собраться, написать, во всех «чтениях» обсудить и принять указ, в соответствии с которым из гуманных сталинских судов в ведение скорых на расправу военных трибуналов передавались вся огромная, в 14 пунктов, 58-я статья (то есть вся мыслимая и немыслимая «контрреволюционная деятельность»), знаменитый «закон о трех колосках» (от 7 августа 1932-го) и статья 73 («сопротивление представителям власти»). Чуть позднее к этому перечню добавили *«распространение ложных слухов», «самовольный уход с работы работников военных предприятий», а для полноты картины «и иные преступления».*

И работа закипела! За четыре года войны, Великой и Отечественной, военными трибуналами были осуждены 2 530 683 человека. Два с половиной миллиона. Из них только 994 тысячи были военными служащими, а полтора миллиона осужденных военными трибуналами – гражданские лица. С расстрелами, правда, пропорция обратная. К высшей мере наказания приговорены 217 080 человек, из них 135 тысяч (то есть 10 дивизий) были военными служащими, 82 тысячи – гражданские лица.

217 тысяч. В вермахте за пять лет войны расстреляли 7810 человек. Да что говорить о расстрелах, если безвозвратные БОЕВЫЕ потери английских военнослужащих на всех фронтах от Бирмы до Норвегии, в армии, авиации и флоте оказались всего в полтора раза больше (303 тыс. человек). И не забудем, что военные трибуналы – это только часть огромной машины террора. В названную выше цифру (217 тысяч казненных) не вошли те, кто в ходе «следствия» до вынесения приговора не дожил. Не вошли расстрелянные по решению Особого совещания НКВД (такие полномочия чекистам были предоставлены 17 ноября 1941 года Постановлением ГКО № 903). Не вошли погибшие в штрафбатах и убитые заградотрядами (это и вовсе не считалось «расстрелом»).

Не вошло в эту цифру и никем не учтенное число военнослужащих, расстрелянных... Вот тут бы должны появиться слова «своими командирами», но чудо-оружие Сталина было таким чудесным, что в Красной армии подчиненным было разрешено без суда и следствия пристрелить командира! 16 августа 1941 года был подписан знаменитый приказ Ставки № 270, в котором сказано дословно следующее: *«Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен, – уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными»*. Разумеется, не был забыт в приказе № 270 и нормальный порядок воинской подчиненности: *«Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава»*.

Бывают ситуации, а истребительная война, которую вел Сталин, была одной из таких, когда и расстрелом-то человека напугать уже нельзя. Не беда – есть и другие, еще более эффективные методы: *«Семьи командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, подлежат аресту... Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»*. Вы понимаете, что это такое – остаться «без помощи и пособия» в стране, где за месячную зарплату рабочего можно было купить на рынке четыре килограмма ржаного хлеба или два куса мыла хозяйственного?

Господа хорошие, товарищи дорогие, не надо так кричать. Я вас отлично слышу: «Сволочь, подлец, клеветник, очернитель! Почему ни слова не сказано про великое мужество советских солдат! Где 28 панфиловцев, где Александр Матросов, где Зоя Космодемьянская, где герои Брестской крепости...» Да, были герои, и было их не 28, и даже не 28 тысяч, а гораздо больше. Но прежде, чем завести привычную мантру про «беспримерный в истории массовый героизм», я предлагаю задуматься над двумя вопросами.

Первый. Сталин мне не друг, но истина дороже: патологическим садистом он не был. В отличие от своих великих предшественников (Ивана Мучителя и Петра Первого) в пыточные подвалы Сталин не ходил, самолично людей не казнил. На всех реальных фотографиях Сталин смеется в усы. И если этот веселый человек, циничный прагматик счел нужным дополнить «беспримерный в истории массовый героизм» беспримерным же массовым террором, то, наверное, были к тому веские причины.

Второй вопрос еще сложнее: что есть героизм? Была в древности великая Римская империя. Было в ней великое множество рабов. Одни пахали, другие копали, третьи

таскали... А еще были такие рабы, которые на потеху хозяевам убивали друг друга. Разве гладиаторы не проявляли великое мужество, умирая в лужах своей и чужой крови на арене римского Колизея? Твердым шагом, с гордо поднятой головой шли они к месту своей гибели и кричали: «Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!». Красиво? Ничего не напоминает?

Вот лежит в окопе рядовой красноармеец, вчерашний колхозник, позавчерашний крестьянин. Защищает город Ленина, колыбель революции, которая не принесла ему ничего, кроме унижения и разорения. Перед боем зачитали приказ командующего фронтом генерала Жукова: «Все сдавшиеся врагу по возвращении из плена будут расстреляны». Рядом командир, который обязан застрелить бойца, если тот на минуту замешкается. За спиной – заградотряд с пулеметами. Далеко в тылу – семья и дети, взятые властью в заложники. Лес рядом, но климат у нас не такой, как в джунглях Индонезии, 20 лет в лесу не просидишь... И что же остается на его долю, кроме как с криком «За Родину! За Сталина!» идти на немецкие пулеметы? Кто он – герой или жертва?

Всем хороша армия гладиаторов, одним нехороша – среди гладиаторов может появиться Спартак. Это роковое обстоятельство было учтено, чудо-оружие Сталина справилось и с такой угрозой. Метод прежний, но динамика роста числа репрессированных очень выразительная. Если в разгромном 41-м году за «контрреволюционные преступления» были осуждены (по всем видам наказания, не только расстрелам) 29 тысяч человек, то в победном 1945-м поставлен «рекорд» – 135 тысяч разоблаченных и осужденных контрреволюционеров! В 1941 году, когда реальных изменников было полным-полно, за «измену Родине» (ст. 58-1б) осуждены всего 8976 человек, в 1942-м – уже 45 050, а в 1944-м найдено 69 895 изменников. В чем же состояла их «измена»? Неужто за несколько месяцев до победы они решили перейти на сторону гибнущей Германии?

Все предусмотрел великий Сталин, со всем справился, всех победил. Покорно сдала оружие огромная семимиллионная армия рабов-гладиаторов, послушно надела на себя старый колхозный хомут. Сказочно повезло с таким народом товарищу Сталину, да он это и сам понимал. И 24 мая 1945 года на грандиозном пиру в Георгиевском зале Кремля, когда градус веселья (было провозглашено 25 тостов, и ни одного – за погибших солдат) перевалил за красную черту, не выдержал Хозяин, встал да и сказал о том, что на душе наболело: *«Какой-нибудь другой народ мог сказать: «Ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». Это могло случиться, имейте в виду. Но русский народ на это не пошел... Вот за это доверие нашему Правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое. За здоровье русского народа!»*.

«Ах! Сам Сталин выпил сто грамм за русский народ!». Плакали от умиления подданные, замерзали в колымских лагерях непокорные, гусеницами танков давили восставших. Вот такая она была, Великая Победа – одна, но не для всех.

Марк

Солонин

Подробнее: <http://vpk-news.ru/articles/25776>